

§4 ДИСКУССИИ

Карякин В. В.

ТРУДНАЯ СУДЬБА РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Аннотация. На основе ретроспективного исторического анализа предыдущих циклов российской модернизации делается попытка формирования опорных точек преодоления барьеров, стоящих на пути развития России в переломный исторический период. Анализ циклов российской модернизации показывает, что Россия как великая держава объективно была вынуждена принимать вызовы глобализации, но субъективно каждый раз была к этому не готова. Периоды открытости внешнему миру сменялись в России столь же длительными периодами самоизоляции, во время которых происходила переоценка ценностей, и начинался поиск самобытных путей развития. Всё это создавало условия неустойчивости, чреватые катастрофическими сценариями развития событий. Методологической базой исследования выступает системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, наблюдения, моделирования. В настоящее время в России идёт процесс подготовки следующего этапа реформ на фоне обострения международной обстановки. При этом гигантский масштаб стоящих перед страной задач значительно превосходит имеющиеся экономические, кадровые и демографические ресурсы. Очевидно, что России настало время отказаться от модели инерционного противостояния, позиционной обороны, нередко маскируемой имитацией деятельности правительства с целью сокрытия пассивности, осторожной выжидательности, ведущей к замедленной реакции на события, а не на их причинно-следственные связи. В работе обсуждается инструментарий решения стоящих проблем и возможные сценарии развития международной обстановки в контексте их проекции на безопасность России.

Ключевые слова: политика, общество, политические ценности, Россия, политическое восприятие, государство, демократия, интересы, дискурс, безопасность.

Review. On the basis of the retrospective historical analysis of the previous cycles of modernization in Russia, the author attempts to find the leverage spots for overcoming the barriers which stand in the way of Russia's development in critical periods of history. Judging by the analysis of Russian modernization cycles, our country as a major power has been objectively compelled to accept globalization's challenges, but each time, was subjectively not ready for it. The periods of open-door politics cycled with long periods of self-isolation, which involved reappraisal of values and the search for Russia's own ways of development. All of this led to instability,

which threatens catastrophic domestic scenarios. The methodological basis of this research includes the systemic, structural-functional, comparative political approaches, methods of analysis, synthesis, observation. Nowadays Russia is facing the next stage of reforms along with aggravation of the international situation. At the same time the scale of problems that Russia is facing considerably surpasses its available economic, personnel and demographic resources. It is obvious that Russia must abandon inertial approach to interstate and domestic problems, passive defense that often conceals passivity with the imitation of work of the government, and cautious wait-and-see behavior that leads to delayed reaction to events, instead of their causes. The article offers a problem-solving toolkit and possible scenarios of international development in the context of security of the Russian Federation.

Keywords: interests, democracy, state, political perception, Russia, political values, society, politics, discourse, security.

Исторический анализ чередования циклов российских реформ, соответствующих трендам глобализации, и последующих периодов изоляционизма позволяет нам рассматривать под особым углом зрения динамику современного развития России в переломный период мировой истории. Ретроспективный анализ показывает, что российские реформы, как правило, совпадали с мировыми циклами глобализации. При этом их продолжительность охватывала периоды длительностью от 30 до 50 лет ^[1]. Первый цикл российской модернизации начался на стыке XVII и XVIII веков с приходом к власти Петра I и закончился после его кончины. Здесь следует отметить историческую роль Ивана Грозного, при котором завершился процесс создания централизованного государства, и началось его укрепление. В это время были созданы условия для проведения реформ, что и было сделано Петром I. Второй цикла модернизации относится к концу XVIII — началу XIX веков в период правления Екатерины II. Этот период закончился победой России в войне против Наполеона в 1813 г. Третий цикл охватывал вторую половину XIX века и закончился с началом Первой мировой войны и революциями в России. Четвёртым циклом модернизации можно считать сталинскую индустриализацию, которая проходит одновременно с мировой промышленной революцией в этот же период времени. Её итогом является победа советского народа в Великой Отечественной войне. В настоящее время Россия вовлечена в очередной цикл модернизации, который начался для неё в начале 1990-х годов.

Но, как свидетельствует история, за российскими циклами модернизации следовали достаточно длительные периоды отката, при-

нимающие зачастую формы самоизоляции. Так после петровского этапа модернизации начался период торможения реформ, который можно считать первым периодом самоизоляции страны. Он потребовался для осмысления и оценки проведенных в стране преобразований. Следующий период самоизоляции можно охарактеризовать как «николаевскую реакцию» середины XIX века, результатом которой было поражение России в Крымской войне. Следующим и последним на сегодняшний день этапом самоизоляции был период «брежневского застоя», следствием которого было поражение СССР в «холодной войне», развал страны и возглавляемого ей коммунистического лагеря.

Следует заметить, что на судьбу российских реформ тормозящее воздействие оказывали природно-климатические и этно-конфессиональные факторы на фоне развития стран Запада, развивающихся в значительно более благоприятной географической и климатической среде европейского и американского континентов. Не следует также сбрасывать со счетов идеологию протестантизма, задавшую мощный импульс развитию капитализма в Америке и Европе.

Периодическая актуализация российской модернизации нами представляется как вынужденными ответами на военно-технические, экономические и идеологические вызовы Запада. Россия, для того чтобы сохранить статус великой державы, была вынуждена принимать внешние вызовы, но в ресурсном и ментально-психологическом отношениях каждый раз была к этому не готова. В ходе очередного модернизационного цикла каждый раз обнаруживалась драматическая коллизия между попытками политических лидеров России преодолеть

различия, а зачастую и отставание, от ведущих мировых экономических и политических центров, создать устойчивые каналы взаимодействия с ними с целью восприятия «передовых» достижений «мировой цивилизации», и стремлением российского общества противодействовать переменам, сохраняя существующий уклад жизни.

Российская история пронизана попытками восприятия, иногда творческими, а зачастую подражательными, идущими в основном с Запада, идей и технологий, начинающих ещё со времён пришествия варягов и восприятия от них основ российской государственности. В XX веке советская политическая система взяла на вооружение марксистскую идеологию и, наконец, в новейшей истории была предпринята попытка перенесения на российскую почву идей рыночной экономики и западного либерализма, послуживших основой российской революции в конце XX века.

Главной проблемой многочисленных попыток российской модернизации, которую до сих пор так и не удаётся решить, является то, что сила и продолжительность импульсов этой модернизации всякий раз оказывалась недостаточной для эффективного усвоения и внедрения заграничного опыта. Исключение составляет только советский период модернизации, который осуществлялся в условиях относительной идеологической, экономической и культурной автаркии. Неудачи большинства проектов российской модернизации объясняются тем, что в культурно-конфессионально самодостаточной среде российского общества всякий раз начиналась реакция отторжения идей, связанных с его модернизацией. В итоге эти периоды сменялись длительными фазами экономического и социального застоя, что придавало ритмам российской модернизации идеологическую непроработанность, надрывность усилий власти и народа, приводящих к незавершенности данных проектов. Периоды открытости внешнему миру сменялись в России столь же длительными периодами самоизоляции, во время которых происходила переоценка заимствованных ценностей, и начинался поиск самобытных путей развития. Всё это создавало условия неустойчивости, чреватые катастрофическими сценариями развития событий. Чередование ориентаций

противоположной полярности — от отдельных идеологических, культурных и технологических заимствований до попыток реализации концепций «Третьего Рима», «Третьего Интернационала», строительства коммунизма, а теперь ещё и построения рыночной экономики по капиталистическому образцу, создавало огромную амплитуду социальной динамики. При этом размах политического и экономического строительства всякий раз определялся потенциалом цивилизации, которая бралась в качестве эталона для подражания. В течение каждого периода модернизации Россия фактически всегда ориентировалась на мирового лидера конкретной исторической эпохи с последующими попытками внести в реформируемый российский социум элементы своей самобытности и выхода на направления собственного пути развития.

Начиная с реформ Петра I, т.е. с начала XVIII века, наметилась устойчивая ориентация России на Европу, как мирового лидера того времени. Однако чуждость воспринятых российским общественным сознанием институциональных реформ и культурных стереотипов обусловили неорганичный характер их восприятия. Поэтому нередко очередной рывок к достижениям мировой цивилизации устремлял страну в направлении как бы параллельное, но в то же время уводящее в сторону от «главного вектора развития» стран-флагманов модернизации. Во многих случаях возникал так называемый хреодный эффект, в соответствии с которым в результате воздействия случайных факторов то или иное явление или процесс, продолжает своё развитие по побочному, зачастую тупиковому, направлению. Причём, чем дальше этот процесс продолжался, тем труднее было свернуть с выбранной траектории ^[2]. В этом и состоит парадоксальный эффект российской модернизации, который продолжал проявляться даже после того, как страна необратимо интегрировалась в европейскую культурно-технологическую среду. Как справедливо отмечают В. И. Пантин и В. В. Лапкин ^[3], «лишь Петру Великому гениальным образом удалось «разобраться» в хитросплетениях европейской политики и сориентироваться на опыт наиболее перспективных её центров — Англии и Голландии. В последующие исторические периоды России «не везло». Её лидеры, с опаской и недоверием

относились к возможностям прагматического сближения с реальными мировыми лидерами (с Великобританией XVIII — XIX вв., США в XX в., Японией во вторую половину XX — начало XXI вв.). Это приводило к недооценке уникального мирового опыта хозяйственного и социально-политического обустройства».

В настоящее время, увлекаясь технологическими достижениями Запада (и в первую очередь — США), российское руководство упустило возможность изучения и усвоения опыта экономического и политического строительства в Китае.

Вглядываясь в историческую ретроспективу, следует ещё раз подчеркнуть, что попытки осуществления российской модернизации, при значительных искажениях и упрощениях правовых, культурных и социально-экономических норм и достижений ведущих мировых центров Запада, привели к чередованию периодов восприятия передового зарубежного опыта и периодов осмысления на фоне «медитации» общественного сознания, ожидающего божественное вдохновение, указывающего самобытный путь развития страны. Но, как показывает история российских модернизаций, всё это оборачивалось замедлением развития, стагнацией и застоем, как это было в последние десятилетия существования советского государства.

Вместе с тем, советский период не оказался бы тупиковым, если бы руководство КПСС уделяло достаточное внимание модернизации социально-политической и экономической жизни страны. Опыт КНР является тому ярким примером. Судьба «подарила» СССР Брежнев и Горбачёва, а Китаю — Дэн-Сяо-Пина. В результате СССР прекратил существование, а Китай стал на путь всесторонней экономической и технологической модернизации и превратился в ведущую мировую державу. Именно этому России следует учиться у Китая, который после так называемого «большого скачка» 1970-х годов не впал в состояние стагнации, а приступил к коренному реформированию экономики.

В настоящее время в жизни российского общества, по нашему мнению, наблюдается два параллельных процесса: попытки совершенствования механизмов социальных отношений в условиях рыночной экономики и переоценка заимствованных «ценностей Запада» для нахо-

ждения собственного пути развития. При поверхностном взгляде на обсуждаемую проблему может показаться, что, внедрив в стране западные формы политического и экономического устройства, российское общество пришло в состояние равновесия, закончив трансформацию либеральной модели западного капитализма в священно-неприкосновенную олигархическо-бюрократическую систему, ставшую основой современной модели российской государственности. Это создало условия для формирования элиты российского общества, характерными чертами которой являются космополитичность мировоззрения, социальное равнодушие, эгоизм и отсутствие желания к модернизации политической и экономической жизни страны, которая интересуется её как место извлечения прибыли ^[4].

При этом, по нашему мнению, в настоящее время в стране идёт процесс вызревания идеологии следующего этапа реформ, обусловленных гигантским масштабом стоящих перед страной задач, который значительно превосходит экономические, кадровые и демографические ресурсы страны. Но переход к новому этапу модернизации ещё впереди и он во многом будет зависеть от способности к самоорганизации и политической воли элит российского общества.

Здесь следует заметить, что, несмотря на культурную и экономическую встроенность российских элит в цивилизационный проект Запада, подавляющая масса населения России по-прежнему генетически наследует вековые социальные и ментальные парадигмы прошлого. Поэтому синтез этих тенденций проходит в российском обществе мучительно и сопровождается болезненными явлениями.

События 1990-х годов показали, и об этом говорят результаты выборов в органы власти всех уровней, что значительная часть населения России не приняла те революционные изменения, связанные внедрением с западной модели демократии, её либеральными идеями и ценностями. Выяснилось, что народ России в своём большинстве не обладает буржуазной ментальностью, не склонен к предпринимательской деятельности и придерживаются если не патриархальных, то, во всяком случае, идей социального равенства, справедливости и ожи-

дает от властей политики государственного патернализма. Отсюда можно предположить, что социальную поддержку получит такая политическая структура, которая обладает гибким механизмом прямых и обратных связей с консервативной социальной средой, обладающей традиционным менталитетом. Это говорит о том, что в российском социуме решающую роль играют трансисторические ментальные структуры, стремящиеся к сохранению развития общества в традиционной исторической колее.

Анализ социально-политической динамики российского общества, охватывающая период с 1985 г. по настоящее время, показывает, что начало перестройки, объявленное в апреле 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачёвым, дало старт неуправляемым процессам дестабилизации политической и экономической систем страны ^[5]. В июле 1988 г. решением XIX партконференции был запущен процесс формирования институтов парламентской демократии. В обстановке политической безответственности власти началась реализация скороспелых, непродуманных проектов экономической модернизации социалистической системы хозяйствования и её политических институтов. Цель проводимых реформ была обозначена достаточно конкретно — получить пропуск для партийно-хозяйственной элиты умирающего СССР в мир западного процветания. В некоторой степени эта задача была решена и её плоды достались значительной части российского общества. В магазинах появилось изобилие товаров, заработала сфера частных услуг, появилась возможность беспрепятственного выезда за границу, вывоза туда своих капиталов и покупки недвижимости в стране и за рубежом. Но для значительной части населения крах экономической и социально-политической систем Советского Союза в 1991 г. был чудовищным по своим разрушительным последствиям. Причиной этому была неготовность советских людей к переменам, проводимым на путях внедрения политических институтов западной демократии и рыночной экономики. В результате этого модернизация приобрела противоречивый и непоследовательный характер, что создало не только значительную неопределённость перспектив дальнейшего развития страны, но и угрозу целостности государства.

В середине 1990-х годов, после завершения первого этапа антинародной «шоковой терапии» и грабительской ваучерной приватизации образовался класс крупных собственников-олигархов, получивших контроль над ключевыми хозяйственными и природными ресурсами общества. При этом власть, контролируя политическую деятельность олигархов и вынуждая делиться с ней своими сверхдоходами, сформировала на основе современных политических технологий механизмы политического и идеологического контроля электората посредством формирования так называемой «системной» оппозиции, «карманных» политических партий и контролируемых властями СМИ. Подобная модель, нацеленная на стабилизацию внутривластной обстановки и консервацию сформированного ещё в начале 1990-х годов бюрократическо-олигархического режима, блокировала процессы формирования реальной демократической модели политической и экономической систем.

Коммерциализация экономических отношений привела к устранению большинства социальных и профессиональных групп населения из привычных для них социальных ниш, которые соответствовали их способностям и призванию, лишая их возможности на основе профессиональной деятельности поддерживать достойный уровень жизни. С другой стороны, возникшая в условиях неэффективной работы новых правовых и экономических институтов практика нелегитимного решения вопросов породила коррупцию государственного аппарата. Вследствие этого к концу 1990-х годов в российском обществе возникла потребность в направляющей и дисциплинирующей власти государства и корректировке либерально-рыночной стратегии развития страны. Эти общественные настроения, усиленные терактами лета 1990 г. в Москве и Волгодонске, привели к выдвижению нового лидера, соответствующего требованиям следующего этапа развития российского общества.

Начиная с марта 2000 г., когда В. В. Путин приступил к работе в качестве президента РФ, политическая и экономическая жизнь в стране стала постепенно упорядочиваться. Инновации приобрели осмысленный и целенаправленный характер. Была сформирована «исполнительная

вертикаль», призванная укрепить государственность и противостоять тенденциям регионализма и сепаратизма субъектов Федерации. Несистемная оппозиция окончательно лишилась действенных рычагов влияния как на процессы принятия решений в Кремле, так и своего влияния на электорат, а системная оппозиция утратила «непримиримость» к власти и оказалась органически встроена в политическую систему страны. Вместе с тем исполнительная власть в лице президента страны утвердила своё главенство в политической и общественной жизни, выразившееся в построении отношений со всеми слоями общества, вплоть до его низов, напрямую, минуя всяких институциональных посредников в лице глав регионов и субъектов Федерации. Это привело к принципиальному упрощению ряда механизмов политического и социально-экономического развития на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и высоких цен на энергоносители, что обеспечило России заметный экономический рост и дало ресурсы для восстановления ведущих позиций государства на мировой политической и экономической арене.

С началом второго президентского срока В. В. Путина модернизация продолжилась не только в направлении ограничения власти олигархов, но и в отношении применения принципов рыночной экономики к ключевым социальным системам (здравоохранение, образование, наука, пенсионное обеспечение и жилищно-коммунальное хозяйство). Это была попытка рыночной трансформации социальной сферы общества, последнего ещё сохранившегося оплота советской системы, с целью обеспечения рентабельности их функционирования и снижения издержек на их содержание со стороны государства. Однако эта попытка в целом не удалась ввиду того, что население поняло уловку властей в их стремлении заменить «вечные» ценности социальных льгот на девальвируемые денежные эквиваленты.

Вместе следует заметить, что исторически бедами России после февральской революции 1917 г. и революции 1991 г. были незавершенность построения эффективно функционирующей капиталистической системы хозяйствования. За сто лет исторического развития России практически всё осталось по-старому.

Подавляющая часть населения России продолжает ориентироваться на авторитарные методы управления государством и патернализм с его стороны. В 1917 г. правящие классы России не были готовы взять на себя ответственность за управление страной и сохранения её как великой державы. Именно поэтому Россия оказалась добычей большевиков, которые совершили государственный переворот с целью проведения социалистического эксперимента, а в 1991 г. население страны, пойдя на поводу апологетов либеральной демократии и рыночной экономики, не препятствовало разрушению существующей в то время политической системы.

Анализ текущих трендов и общественных настроений свидетельствуют о том, что в перспективе возможен отход от принципов западной демократии и рыночного либерализма. Будут разработаны механизмы так называемой «контролируемой народом демократии», рыночной экономики, построенной на принципах социальной справедливости и равных возможностей всех слоёв населения. В то же время останется актуальным вопрос оперативного разрешения возникающих социальных противоречий и конфликтов с использованием процедур поиска конфликтующими сторонами взаимовыгодных решений.

О периоде после 2015 г., пока ещё трудно судить ввиду значительных неопределённостей, обусловленных турбулентным и нелинейным характером развития международной обстановки. Однако как раз здесь необходим принципиальный поворот в российской политике, который должен стать ответом возникающие угрозы и вызовы российской государственности, обусловленные действиями внутренних и внешних сил. К внутренним угрозам можно отнести нарушение общественного консенсуса вследствие межконфессиональных и национальных противоречий, порождающих сепаратизм. Внешние угрозы будут обусловлены экономическим и информационным давлением с целью изоляции России на международной арене и подрыва основ её государственности.

Как нам представляется, Россию ожидает сложный период в её истории. В ходе завершения цикла капиталистической трансформации по западному образцу Россия должна будет окончательно определиться со своей геополити-

ческой ориентацией, а также своей ролью и местом на международной арене в соответствии с динамикой её геополитических потенциалов.

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что на смену национальным государствам могут прийти иные типы государственных образований, в которых консолидирующую и структурно-систематизирующую роль будут играть сетевые общественно-политические и экономические структуры, тесно связанные с наднациональными политическими и экономическими системами, выполняющие международно-правовые, надзорные и регулирующие функции в мировом сообществе.

Как же разорвать порочный круг повторяющейся цикличности модернизаций в переломный момент российской истории, наступивший в 2014 г.? Возвращение Крыма под российскую юрисдикцию обозначил своеобразный Рубикон, обозначивший переход от конкурентного партнёрства России со странами Запада к конфликтному противостоянию уже не отдельных стран, а цивилизаций. И это произошло не внезапно, а явилось следствием накопления конфликтных факторов, совокупность которых вывела на качественно новый уровень противостояния противоборствующие стороны.

Очевидно, что для российской стороны настало время отказаться от модели инерционного противостояния, позиционной защиты государственных интересов, нередко маскирующихся имитацией деятельности с целью сокрытия пассивности, осторожной выжидательности, ведущей к замедлению реакции на то или иное совершившееся событие, а не на выявление причинно-следственных связей, зарождающихся трендов и тенденций с целью их купирования.

В свете реализации проекта создания Евразийского экономического союза (ЕА-ЭС) в первую очередь необходимо уделить внимание проблематике интеграционного притяжения с учётом возникающих противоречий в отношениях между странами союза с привлечением интеллектуального потенциала объединённого экспертного политологического сообщества. Его задачей должно быть концептуальное осмысление международных процессов на основе синергетического видения социально-политических и международных процессов с целью формирование обоснованных сценариев

возможного развития обстановки на внутригосударственном, региональном и глобальном уровнях [6].

По нашему мнению, при разработке проекта евразийской интеграции не следует акцентировать вопросы, связанные с формированием «русского мира». Их рассмотрение желательно оставить на будущее. Дело в том, что кризисное развитие событий на Украине затруднило воплощение идеи русскоцентричных интеграционных процессов. На Западе, в политических элитах стран Восточной Европы и в государствах постсоветского пространства к понятию «русский мир» стали относиться настороженно вследствие опасений возрождения новой Российской империи [8]. Вместо этого представляется целесообразным уделить внимание будущей евразийской общности народов и стран, объединённых общим экономическим, культурным и информационным пространствами. При этом речь должна идти о многоэтническом, многоконфессиональном и многокультурном мире, в котором объединяющим критерием принадлежности является опора на общие цивилизационные, экономические и военно-стратегические интересы его участников.

Что касается инструментария, с помощью которого должны решаться данные проблемы, то здесь необходимо обозначить следующие направления:

1. Разработка модели культурно-национальных и конфессиональных отношений направленной на формирование общей цивилизационной платформы. Решение данного вопроса подразумевает поиск общих культурных и морально-этических ценностей, правил поведения в быту, сохранения национальных традиций в противовес формированию изолированных культурно-конфессиональных анклавов, являющихся благоприятной средой для национальной нетерпимости, подозрительности и вражды. При этом необходимо уделить внимание демографической обстановке в России. Дело в том, что в стране становится всё больше приверженцев ислама. Это несёт угрозу российской идентичности. В то же время идеологи русского мира серьёзно не рассматривают место и роль ислама в евразийском цивилизационном проекте. И это происходит

на фоне качественных изменений в исламском сообществе России — оно молодеет, что грозит возрастанием нестабильности социально-политической обстановки в стране. И если оставить эту тенденцию без внимания, то российское мусульмане могут стать «пятой колонной» при трансформации государственного строя страны [7].

2. Бескомпромиссное и последовательное отстаивание светского характера государства при достижении конфессиональной гармонии в обществе. В многоконфессиональном государстве акцент на религиозной принадлежности человека, культивируемый с раннего детства, порождает чувство исключительности. В обострённом состоянии религиозного сознания у части населения это может привести к росту социальной напряженности и конфликтогенности, перерастающей в кризисы и конфликты. Поэтому, по нашему мнению, разумной политикой является преподавание в школах основ религиозных учений для привития учащимся уважения к ведущим конфессиям России. Здесь следует заметить, что публичное отправление религиозных культов политическими деятелями страны не способствует достижению конфессиональной гармонии. Религия должна остаться территорией частной жизни как нечто сугубо интимное и скрытое от посторонних глаз. Этим самым будет сделан первый шаг на пути борьбы с религиозным экстремизмом и его крайними формами — терроризмом и сепаратизмом. Нежелательно также публичное обсуждение вопросов, касающихся религиозных учений. Пусть это останется в стенах религиозных организаций. Всё это поможет создать баланс конфессиональных отношений в стране.

3. Культура титульной нации евразийского объединения должна сохранять свою сущность и служить ориентиром для всех членов сообщества. При этом она должна всячески избавляться от негативных форм её проявления. Необходимо стремиться к тому, чтобы русская культура была образцом нравственной чистоты и богатства проявлений во всех областях общественной жизни. Особенно это касается СМИ, кинематографа и рекламы, которым следует неукоснительно руководствоваться данными принципами.

4. Необходимо упорядочивание и регулирование иммиграционных потоков. Это подразумевает не только визовые формальности, но сдачу экзаменов по русскому языку и истории России, а также оформление лицензий на трудовую деятельность. В связи с этим от государства потребуются серьёзные затраты на образование и социализацию новых граждан, которую следует начинать с обучения детей иммигрантов в российских школах.

Политический, экономический и культурный уклады принимающей стороны должны быть привлекательными и современными. Иными словами, ядро будущего интеграционного союза должно иметь притягательный цивилизационный проект, нацеленный на участие в нём всех социально активных членов данного общества.

Передовая экономика и отлаженные социальные отношения у принимающей стороны должны привлекать энергичных, умных, творчески мыслящих людей, которые своим трудом, используя социальные лифты, имеют возможность органически вписаться в жизнь новой общественной среды.

При этом следует отметить, что пора уменьшать акценты на вопросах непомерного возвеличивания прошлого в русской истории, прекратить дискуссии об «утраченном рае» царской России или Советского Союза и перестать рассматривать развитие России как процесс депопуляции, нравственного упадка и деградации общества.

В то же время необходимо уделять вопросам демографии российского общества, как главного фактора выживаемости государства и его исторической дееспособности. Следует помнить, что народ, не воспроизводящий сам себя и подверженный депопуляции, не может ставить перед собой серьёзных исторических задач.

Если российское общество желает успешно развиваться в новых условиях, то в нём должен поддерживаться твёрдый демократический порядок, подразумевающий соблюдение всеми гражданами конституции РФ, законов, рассматриваемых как общее национальное достояние, являющееся основой общественной стабильности и социальной защищённости её граждан.

Что касается возможных вариантов развития международной обстановки и её проекции на ситуацию в России, то они представляются в следующем виде:

1. Предстоящие десятилетия наверняка будут самыми трудными в российской истории.

2. Руководству России, её политической, экономической и культурной элите вряд ли следует пассивно ждать установления многополярного мира и сокращения влияния США на международной арене. Если для стран Запада (США и ЕС) речь может идти об уменьшении их доминирования в международной политике, то для России стоит вопрос о сохранении её территориальной целостности, государственности и накопленного веками исторического развития культурного и ду-

ховного богатства её народов. При этом положение России осложняется сочетанием политического, экономического и информационного давления Запада с мощным внутренним и внешним демографическим давлением на население страны.

Появление новых геополитических реалий, не вписывающихся в матрицу устоявшихся представлений, требует вдумчивого осмысления гигантских подвижек на международной арене. Первостепенной задачей на сегодняшний день является задание дополнительного импульса дискуссии о том, как осуществить всесторонний анализ глубинных перемен на международной арене и выработать перспективные идеи возрождения России как центра евразийской интеграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дроздов Ю. И., Маркин А. Г. Операция «Президент». От «холодной войны» до «перезагрузки». М.: Артстиль-полиграфия, 2010.
2. Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории. // Вопросы экономики. 1997. № 3.
3. Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006.
4. Карякин В. В. Мыслить геополитически — патриотический долг российской элиты (заметки по истории советской и новейшей российской элитологии) // Вестник Челябинского госуд. университета. 2007, № 23.
5. Карякин В. В. Эволюционное моделирование геополитической обстановки // Свободная мысль. № 5/6 (1633), 2012, сс.
6. Карякин В. В. Гражданская война на Украине: опыт сценарного анализа и прогнозирования региональной военно-политической обстановки», Конфликтология, № 1, 2015, с.с. 31–44. DOI:10/7256/24.09–8956.2015.1.14127.
7. Гашков И. Мусульмане хотят другой русский мир, 18.03.2015, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1426708020>
8. Манойло А. В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка // Право и политика. — 2014. — № 5. — С. 638–651. DOI: 10.7256/1811–9018.2014.5.11816.
9. А. Г. Соколов Кризисный дискурс «Единой России» и КПРФ: сравнительный анализ // Национальная безопасность / nota bene. — 2013. — 2. — С. 217–226. DOI: 10.7256/2073–8560.2013.02.2.
10. Федякин И. В. Мегалополисы как субъекты политики: история и современное состояние // Международные отношения. — 2014. — 1. — С. 88–93. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.1.10165.
11. Карпович О. Г. Риски и угрозы цветной революции в России // Политика и Общество. — 2015. — 1. — С. 107–115. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.1.14141.
12. Грудцына Л. Ю., Петров С. М. Власть и гражданское общество в России: взаимодействие и противостояние // Административное и муниципальное право. — 2012. — 1. — С. 19–29.
13. Карпович О. Г. Демократия и демократизация в контексте нового миропорядка // Политика и Общество. — 2013. — 8. — С. 1012–1020. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.8.9142.
14. Калачев Д. Н. Основные направления сотрудничества России и НАТО // Тренды и управление. — 2015. — 1. — С. 36–43. DOI: 10.7256/2307–9118.2015.1.13712.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Drozdov Yu.I., Markin A. G. Operatsiya 'Prezident'. Ot 'kholodnoi voiny' do 'perezagruzki'. M.: Artstil'-poligrafiya, 2010.
2. Nesterenko A. Sovremennoe sostoyanie i osnovnye problemy institutsional'no-evolyutsionnoi teorii. //Voprosy ekonomiki. 1997. № 3.
3. Pantin V. I., Lapkin V. V. Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi poloviny XXI veka. Dubna: Feniks+, 2006.
4. Karyakin V. V. Myslit' geopoliticheski — patrioticheskii dolg rossiiskoi elity (zametki po istorii sovetskoj i noveishei rossiiskoi elitologii) // Vestnik Chelyabinskogo gosud. universiteta. 2007, № 23.
5. Karyakin V. V. Evolyutsionnoe modelirovanie geopoliticheskoi obstanovki // Svobodnaya mysl'. № 5/6 (1633), 2012, ss.
6. Karyakin V. V. Grazhdanskaya voina na Ukraine: opyt stsenarnogo analiza i prognozirovaniya regional'noi voenno-politicheskoi obstanovki', Konfliktologiya, № 1, 2015, s. s.31–44. DOI:10/7256/24.09–8956.2015.1.14127.
7. Gashkov I. Musul'mane khotyat drugoi russkii mir, 18.03.2015, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1426708020>
8. Manoilo A. V. Rol' strategii upravlyaemogo khaosa v formirovanii novogo miroporyadka // Pravo i politika. — 2014. — № 5. — S. 638–651. DOI: 10.7256/1811–9018.2014.5.11816.
9. A. G. Sokolov Krizisnyi diskurs 'Edinoi Rossii' i KPRF: sravnitel'nyi analiz // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. — 2013. — 2. — C. 217–226. DOI: 10.7256/2073–8560.2013.02.2.
10. Fedyakin I. V. Megapolisy kak sub"ekty politiki: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2014. — 1. — C. 88–93. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.1.10165.
11. Karpovich O. G. Riski i ugrozy tsvetnoi revolyutsii v Rossii // Politika i Obshchestvo. — 2015. — 1. — C. 107–115. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.1.14141.
12. Grudtsyna L. Yu., Petrov S. M. Vlast' i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: vzaimodeistvie i protivostoyanie // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. — 2012. — 1. — C. 19–29.
13. Karpovich O. G. Demokratiya i demokratizatsiya v kontekste novogo miroporyadka // Politika i Obshchestvo. — 2013. — 8. — C. 1012–1020. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.8.9142.
14. Kalachev D. N. Osnovnye napravleniya sotrudnichestva Rossii i NATO // Trendy i upravlenie. — 2015. — 1. — C. 36–43. DOI: 10.7256/2307–9118.2015.1.13712.